

Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов (на примере Республики Мордовия)

А. А. Сычев¹Е. А. Коваль²Н. В. Жадунова^{1*}

¹ ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),
* zhadunovan@mail.ru

² Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (г. Саранск, Россия)

Введение. Анализ освещения проблем миграции в электронных СМИ показывает, что язык вражды в отношении мигрантов становится общепотребительным, несмотря на существующие нормативные ограничения его использования. Это определило выбор данной проблематики для исследования, цель которого – изучить причины, формы и контексты использования языка вражды по отношению к мигрантам (на примере Республики Мордовия).

Материалы и методы. Материалами исследования послужили тексты, посвященные проблемам миграции и опубликованные в электронных версиях региональных СМИ. В качестве основного метода использовался дискурс-анализ.

Результаты исследования. Определена главная причина использования языка вражды в отношении мигрантов – негативные клише и стереотипы, способствующие восприятию мигрантов как источника экономических, медицинских, экологических, личных, общественных, политических и других угроз. Предложены содержательные и формальные критерии классификации языка вражды, используемого в отношении мигрантов. Сформулированы рекомендации по ограничению применения языка вражды в отношении мигрантов в публичном дискурсе. Рекомендации такого рода связаны с изменением риторики на текстуальном и контекстуальном уровне, однако наиболее важным представляется изменение метаконтекстуального уровня освещения и восприятия проблем миграции.

© Сычев А. А., Коваль Е. А., Жадунова Н. В., 2018

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Материалы исследования будут полезны при разработке миграционной политики и мер по гармонизации социальных отношений в регионе. Полученные данные могут быть использованы в деятельности государственных и муниципальных служащих, журналистов, представителей педагогического сообщества.

Ключевые слова: язык вражды, мигрант, коммуникация, классификация, угроза, нормативное ограничение, контекст, метаконтекстуальность, региональные СМИ

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 17-03-00094 и № 17-03-00370.

The Issue of Classification of Hate Speech Against Migrants (the Case Study of the Republic of Mordovia)

A. A. Sychev^a, E. A. Koval^b, N. V. Zhadunova^{a*}

^a National Research Mordovia State University (Saransk, Russia),
* zhadunovan@mail.ru

^b Middle Volga Branch, All-Russian State University of Justice (Saransk, Russia)

Introduction. The performed analysis of coverage of migration issues in electronic media shows that hate speech against migrants is becoming common practice despite the existing regulatory restrictions on its use. This determined the choice of this issue for the research, aimed at studying the causes, forms and contexts of using hate speech against migrants (the case study of the Republic of Mordovia).

Materials and Methods. Texts on migration issues published in electronic versions of regional media were used as the materials of the study; discourse analysis was used as the main method.

Results. The main reason for using hate speech against migrants has been identified; it is reproduction of negative clichés and stereotypes that contribute to the perception of migrants as a source of economic, health, environmental, personal, social, political threats, etc. The authors have proposed the content and formal criteria for classification of hate speech against migrants. Recommendations on limiting the use of hate speech against migrants in public discourse have been offered. Recommendations of this kind are usually associated with a change in rhetoric at the textual and contextual levels; however the authors consider a change in coverage and perception of migration issues at the metacontextual level to be the most important factor.

Discussion and Conclusion. The research materials will be useful in developing migration policies and measures to harmonize social relations in the region. The data obtained can be used by state and municipal authorities, journalists, and representatives of the educational community.

Keywords: hate speech, migrant, communication, classification, threat, regulatory restriction, context, metacontextuality, regional media

Acknowledgments. The study was conducted with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research as part of research projects No. 17-03-00094 and No. 17-03-00370.

Введение. Коммуникации в современном публичном пространстве отличаются повышенным уровнем конфликтности, особенно в тех случаях, когда вопросы о базовых нормах и ценностях обсуждаются субъектами с разными убеждениями и мировоззренческими позициями. Коммуниканты нередко проявляют в отношении друг друга речевую агрессию, применяя язык вражды, под которым понимается совокупность слов, выражений, изображений, дискредитирующих нормативный статус личности или группы. Одним из факторов использования языка вражды является стремление противопоставить «своих» и «чужих», наделяя первых положительными характеристиками, а вторых – сугубо отрицательными, что, как правило, обусловлено принадлежностью субъектов коммуникативного процесса к различным этническим, профессиональным, политическим, гендерным, возрастным группам. Примером конфликтной коммуникации такого рода является целенаправленное использование языка вражды в адрес мигрантов.

В последние десятилетия количество негативных стереотипов и клише в отношении мигрантов, тиражируемых различными СМИ, увеличивается. При этом обсуждение проблем миграции осуществляется как с использованием негативных эмоциональных суждений оценочного характера, так и при помощи манипулирования объективными фактами и статистическими данными, что в итоге приводит к формированию в обществе устойчивых предубеждений по отношению к мигрантам.

Особенности коммуникаций в сети Интернет усугубляют эту проблему, поскольку анонимность и дистанцированность авторов и комментаторов сообщений от объектов обсуждения провоцируют такое речевое поведение, которое в случае непосредственного контакта рано или поздно перевело бы конфликт с вербального на физический уровень воздействия.

Все это не способствует снижению уровня агрессии в публичном пространстве. Для поиска ориентиров, способных ослабить конфликтность и перевести коммуникацию в конструктивное русло, необходимо обнаружение причин частого использования языка вражды в публичном дискурсе и условий, способствующих его восприятию как нормы общения.

Целью данной статьи является исследование причин, форм и контекстов употребления языка вражды в отношении мигрантов в структуре регионального дискурса (на примере Республики Мордовия).

Для достижения поставленной цели предполагается определить негативные стереотипы и клише, продуцируемые и поддерживаемые электронными СМИ в отношении мигрантов; типологизировать факты употребления различных видов языка вражды; изучить контексты употребления такого языка; сформулировать рекомендации по нормативному регулированию освещения проблем миграции в публичном дискурсе.

Ключевые понятия исследования:

– *мигрант* – лицо, совершающее перемещение на новое место временного или постоянного проживания;

– *язык вражды* – слова, выражения, изображения, видео- и аудио-записи, демонстрируемые публично с целью выражения ненависти и недопущения в качестве нормы таких признаков конкретного лица или группы лиц, как пол, возраст, раса, национальность, политические, религиозные, мировоззренческие позиции и убеждения;

– *нормативные ограничения* – система норм и принципов, основанных на понуждении личности к нормативному поведению.

Результаты исследования позволяют расширить существующие классификации языка вражды, а также определить способы ограничения его использования в публичном дискурсе при освещении проблем миграции.

Обзор литературы. Понятие «язык вражды» стало использоваться в современном публичном дискурсе для определения способа дискриминации и выражения нетерпимого отношения к определенным лицам и группам. Так, Комитет министров Совета Европы под языком вражды понимает «все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации или враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями»¹.

Перечень признаков, на основании которых осуществляется дискриминация, постоянно расширяется: появляются работы, посвященные исследованию нетерпимого отношения к людям по признаку их внешнего вида, наличию социально значимых заболеваний и т. п.

Язык вражды в анализируемом контексте долгое время не был предметом обсуждения в научных исследованиях и публичных дискуссиях. Чаще всего в фокусе внимания оказывались проблемы речевой агрессии, вербализации насилия, речевой демагогии, манипулятивных технологий, идеологического конструирования образа врага и другие (В. Ю. Апресян², Т. А. Воронцова, Т. Р. Копылова [1; 2], А. В. Денисова [3], Ю. А. Ильичева [4] и др.). Потребности в особом выделении языка вражды как способа дискриминации личности, социальной группы долгое время не возникало из-за отсутствия соответствующего политико-правового контекста.

¹ Recommendation No. R (97) 20 of the Committee of Ministers to member states on “hate speech” (30 October 1997). URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/home> (дата обращения: 12.03.2018).

² Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Междунар. конф. «Диалог-2003». Российский НИИ искусственного интеллекта. М.: ФГУП «Наука», 2003. С. 32–35. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21045312> (дата обращения: 24.01.2018).

С распространением идеологии толерантности, политики мультикультурализма, идеи «обратной дискриминации» язык вражды все чаще оказывается в центре внимания социальных и гуманитарных исследований. Большинство современных исследований проводятся в русле психологического, лингвистического, правового и социологического подходов.

В психологическом подходе акцент делается на особенностях восприятия языка вражды, анализе таких явлений, как стереотипизация мышления, социальные ожидания, манипуляция, убеждение и внушение (М. В. Кроз, Н. А. Ратинова и др.)³.

Лингвистический подход направлен на изучение текстуальных (лексических, морфологических, стилистических) средств выражения враждебности в языке (А. И. Грищенко, Н. А. Николина⁴, А. В. Евстафьева⁵, О. С. Коробкова [5], М. А. Кронгауз⁶ [6], О. В. Мороз⁷, А. И. Спожакина [7] и др.). В этом подходе язык вражды понимается прежде всего как «лингвистически выраженная интолерантность» [5, с. 201].

В правовом подходе внимание акцентируется на нормативно-правовых аспектах идентификации языка вражды, применения санкций за его использование, степени объективности судебно-лингвистической экспертизы (А. В. Денисова⁸, Г. Ю. Арапова, С. И. Кузеванова, М. А. Ледовских⁹, Е. А. Сычев, Л. Л. Мартынова [8], А. Браун [9]).

Наконец, в рамках социологического подхода исследуется не только частотность и контекст употребления языка вражды в публичном пространстве, но и социальные причины и условия, способствующие его распространению, особенности конфликтных дискурсов (А. М. Верховский¹⁰, Г. В. Кожевникова, И. М. Дзялошинский [10], М. А. Пилгун [11],

³ Кроз М. В., Ратинова Н. А. От языка вражды к возбуждению ненависти: проблемы судебно-экспертной оценки ксенофобских материалов СМИ // Язык вражды против общества. М., 2007. С. 226–246.

⁴ Грищенко А. И., Николина Н. А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности / Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 175–187.

⁵ Евстафьева А. В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 26 с

⁶ Кронгауз М. А. Новые слова и новые значения: механизмы возникновения // Жизнь языка: памяти М. В. Панова. М., 2007. С. 301–307.

⁷ Мороз О. В. Медиа как машины производства насилия: дефицитный sensemaking // Digital-агрессия: что делать и кто виноват? : сб. ст. и материалов к науч.-практ. конф. М., 2015. С. 156–167.

⁸ Денисова А. В. Правовые основы лингвистической экспертизы «языка вражды» // Юрислингвистика. 2011. № 1 (11). С. 221–227

⁹ Язык вражды в СМИ. Правовые и этические стандарты / под ред. Г. Ю. Араповой. Воронеж, 2011. 128 с.

¹⁰ Язык вражды против общества. М., 2007. 268 с. URL: <http://www.sova-center.ru/files/books/hs07-text.pdf> (дата обращения: 20.03.2017).

М. О. Карпенко, Л. Л. Шпаковская, Е. Ю. Кольцова, Ф. И. Торчинский, Д. В. Дубровский¹¹, М. А. Фадеичева [12] и др.), в том числе с учетом региональной специфики (О. А. Богатова¹², С. В. Полутин, А. М. Чушкин¹³, С. Г. Ушкин [13] и др.). Как правило, объектом социологических исследований языка вражды являются СМИ, а предметом – тексты, в которых фиксируется прямая или косвенная дискриминация социальных групп на основании национальной принадлежности, религиозных убеждений, сексуальных предпочтений.

Сложность языка вражды как социального феномена обуславливает необходимость сочетания подходов и методов, разработанных в разных областях научного знания. В частности, изучение особенностей языка вражды по отношению к мигрантам не может ограничиваться количественными методами, оно должно включать в себя анализ негативных стереотипов, существующих в культуре, учитывать речевые, психологические и соционормативные аспекты обсуждения проблем миграции в публичном пространстве.

Из всего спектра современных подходов именно социологический позволяет синтезировать различные аспекты исследований языка вражды и предложить целостную интерпретацию различных его проявлений. В качестве примеров такой интерпретации можно привести ряд работ, посвященных анализу мигрантофобии в России (Н. В. Шилов [14]), Чехии (М. Хрдина [15]), Австралии (К. Гелбер, Л. Макнамара [16]) и др. Эти работы, опубликованные в последние годы, наглядно свидетельствуют о том, что проблема использования языка вражды по отношению к мигрантам остается актуальной для различных регионов мира. В этой связи появляется необходимость разработки единой системы классификации языка вражды, способной охватить основные его типы на различных смысловых уровнях исследования.

И. М. Дзялошинский предлагает сугубо формальные критерии классификации, полагая, что для выявления и анализа языка вражды следует «рассматривать не только тексты, но и средства визуализации – заголовки, фотографии и иные элементы оформления»¹⁴.

¹¹ Язык вражды в русскоязычном Интернете. Материалы по идентификации текстов ненависти / М. О. Карпенко [и др.]. СПб., 2003. 72 с.

¹² Богатова О. А. Социальные факторы формирования и изменения языкового режима в полиэтничном регионе // Настройка языка. Управление коммуникациями на постсоветском пространстве: коллектив. моногр. М., 2016. С. 307–321. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26900139> (дата обращения: 28.06.2018).

¹³ Чушкин А. М., Полутин С. В. Состояние и динамика межэтнических отношений в Республике Мордовия // Трансформация социальных отношений в региональном социуме. VI Суаревские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 2016. С. 355–358.

¹⁴ Дзялошинский И. М. Язык вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы. М., 2006. URL: <http://www.dzyalosh.ru/04-master/metod/yaзык-vrajdy-v-smi.doc> (дата обращения: 06.04.2018).

В известной классификации, предложенной сотрудниками информационно-аналитического центра «Сова», по основанию степени агрессивности коммуникации выделяются жесткий, средний и мягкий языки вражды¹⁵.

И. В. Следзевский, В. Р. Филиппов, Е. О. Хабенская, изучая язык вражды, применяемый по признаку национальной принадлежности стигматизируемых субъектов, выделяют негативные этнические стереотипы, перенос отрицательных характеристик с отдельных представителей на весь этнос, утверждение о наличии тайного заговора одной этнической группы против другой, угрозы в отношении определенной нации, призывы ограничить права представителей определенной нации и т. д.¹⁶.

Белорусскими исследователями А. Крушинской и А. Игнатовичем предложена следующая классификация: оскорбление чести и достоинства, стигматизирующая репрезентация, дискриминационная лексика, негативная стереотипизация, оправдание насилия и призыв к насилию¹⁷.

Отметим, что в двух последних примерах смешиваются различные основания для классификации (лексические, стилистические, психологические, правовые), из-за чего выявленные типы языка вражды частично пересекаются друг с другом (например, призыв к ограничению прав можно рассматривать как угрозу, а дискриминационную лексику – как один из способов оскорбления чести и достоинства). Кроме того, они содержательно не охватывают всех примеров языка вражды (в частности, тех случаев, когда отрицательное отношение формируется под видом объективного описания фактов). Это свидетельствует о необходимости разработки новых классификаций, не только дополняющих и расширяющих существующие, но и интегрирующих их в единую систему.

Материалы и методы. Материалами исследования являются тексты, посвященные проблемам миграции и опубликованные в 2017 г. в электронных версиях региональных СМИ («Столица С», «Вечерний Саранск», «Известия Мордовии»), комментарии пользователей к ним, а также сообщения, публикуемые на региональном форуме saransk.ru – «Саранский городской форум».

Выбор материалов обусловлен спецификой предмета исследования. По данным ВЦИОМ, в последние годы существует тенденция перемещения печатных СМИ на периферию медиaproстранства¹⁸. Телевидение

¹⁵ Язык вражды против общества.

¹⁶ Следзевский И. В., Филиппов В. Р., Хабенская Е. О. Аналитический отчет о результатах исследования «Преодоление ксенофобии в СМИ». М., 2004. URL: http://igpi.ru/bibl/other_articl/1101820840.html (дата обращения: 18.12.2017).

¹⁷ Крушинская А., Игнатович А. Гендерные аспекты мовы варожасці ў беларускіх медыя. Вильнюс, 2016. URL: http://mediakritika.by/files/gendarnyya_aspekty_movy_varozhasci_u_belaruskikh_smi.pdf (дата обращения: 15.01.2018).

¹⁸ Эпоха цифровых медиа: бумага против экрана [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116624> (дата обращения: 06.04.2018).

пока остается ведущим способом получения информации, однако оно не предоставляет таких возможностей для индивидуального самовыражения, как Интернет. Во многом эта ситуация вызвана отсутствием жестких ограничений при обмене мнениями пользователей на информационно-коммуникационных площадках Интернета. В итоге именно он оказывается основным пространством для функционирования языка вражды.

Из всего массива статей по ключевому слову «мигрант» были отобраны 25 публикаций газеты «Столица С», 27 – «Известия Мордовии», 80 – «Вечерний Саранск» и 8 тем на региональном форуме. Выполнение частотного анализа элементов языка вражды в отношении мигрантов в итоговой выборке оказалось невозможным по причине отсутствия словаря такого языка, а также из-за того, что большинство его элементов несут соответствующую смысловую нагрузку только в определенном контексте. Поэтому был проведен качественный анализ содержания материала, после чего отобрано 37 статей и высказываний.

Если журналистов, публикующих материалы в региональных СМИ по проблемам миграции, можно идентифицировать, то авторы комментариев и сообщений на форумах (в которых язык вражды неоднократно принимает крайние формы) часто остаются неизвестными. Именно эта сетевая анонимность и является условием перевода враждебности из латентного состояния в явное. В ситуации анонимности субъекта враждебности о нем можно судить лишь на основании того, о чем он высказывается. Соответственно, в исследовании использован метод дискурс-анализа¹⁹, под которым понимается изучение языковых паттернов, обуславливающих публичные высказывания участников коммуникации в различных сферах общественной жизни. Нас интересовали, главным образом, «враждебные» паттерны, адресованные мигрантам. Акцент сделан на структуре дискурса о миграции в региональных СМИ (на примере Республики Мордовия).

Использование дискурс-анализа позволяет исследовать обсуждение проблем миграции в условиях конкуренции политкорректного и враждебного по отношению к мигрантам дискурса. При этом если второй формирует и воспроизводит негативные стереотипы о мигрантах, то первый ориентирован на разрушение таких стереотипов, но не на формирование положительного образа мигранта.

Поскольку дискурс является формой социального поведения, «которая участвует в формировании социального мира»²⁰, дискурс-анализ – не только исследовательский метод, но и, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, механизм конструирования социальной реальности²¹. Ис-

¹⁹ Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. С. 17.

²⁰ Там же. С. 24.

²¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.

пользование дискурс-анализа позволяет не только выявлять и описывать проблемы и их ценностно-нормативные нюансы, но и обнаруживать если не конкретные пути реконструкции дискурса, то точки бифуркации, в которых возможно изменение сложившейся системы коммуникации.

Результаты исследования. Анализ использования языка вражды по отношению к мигрантам позволил выявить основные содержательные и формальные критерии для его классификации.

Всякое негативное высказывание в адрес мигранта, как правило, основывается на убеждении в том, что миграция представляет угрозу для целостности, гармоничности, безопасности общества. С этой точки зрения наиболее адекватным критерием для *содержательной* классификации языка вражды необходимо считать угрозы, источником которых в сознании обывателей считаются мигранты.

Выделенные в ходе исследования негативные стереотипы в отношении мигрантов, циркулирующие в публичной коммуникации, логично распределяются по нескольким группам, в целом соответствующим классификации основных сфер безопасности человека, предложенных ООН. В «Докладе о человеческом развитии» 1994 г. выделяются экономическая, продовольственная, медицинская, экологическая, личная, общественная, политическая сферы безопасности²². Предлагаемая нами содержательная классификация языка вражды отображает угрозы, соответствующие этим семи сферам.

Прежде всего, мигранты рассматриваются как угроза *экономической безопасности*. Как в научном дискурсе, так и в комментариях интернет-пользователей высказываются опасения, что мигранты «отнимают» рабочие места у местного населения и устанавливают контроль над рынком: «Мигранты обостряют конкуренцию за рабочие места на рынке труда и часто имеют большие шансы на получение работы, чем жители республики»²³ (здесь и далее орфография и пунктуация реципиентов сохранены. – *Примеч. авт.*); «Они тут сплошь и рядом торгуют или вообще ничего не делают, вся местная торговля у них в руках через подставных лиц»²⁴.

Мигранты также нередко воспринимаются как угроза *продовольственной безопасности* (страх остаться без средств к существованию, отсутствие возможности прокормить себя и семью из-за увеличения количества мигрантов): «Претендуя на трудоустройство и социальные

выплаты, вы что-то отбираете у местного населения, и оно относится к вам совсем по-другому...»²⁵.

Мигранты, по мнению местного населения, представляют угрозу для *здоровья* (боязнь заразиться от мигрантов, которые могут быть переносчиками различных инфекций): «В Саранске за прошлый год скончались 34 больных. Это больше, чем в предыдущие годы. Впрочем, количество выявленных инфицированных тоже выросло на 26 %. Медики связывают это, прежде всего, с увеличением числа мигрантов и беженцев из Украины»²⁶.

Реже мигранты воспринимаются как угроза *экологической безопасности* («сложный» страх: мигранты отрицательно воздействуют на окружающую среду из-за перенаселения определенных территорий, из-за повышенной нагрузки на эти территории, связанные с выбросом отходов; из-за нарушения правил гигиены; из-за отсутствия заинтересованности в процессе осуществления трудовой и иной деятельности минимизировать свой экологический след и др.): «...Есть у меня знакомый, родился в Украине, но несколько лет назад переехал в Германию. ...Говорит, что возмущается поведением мигрантов. Как те мусорят из окон авто. Однажды ехал по автобану, увидел это и позвонил в полицию. Откуда ни возьмись патрульное авто. Остановили того нарушителя, наказали. Только по звонку настолько там сильно доверие к гражданину. И гражданина к полиции. Нам бы это тоже не помешало»²⁷.

Мигрантов ассоциируют с угрозой *личной безопасности* (боязнь стать жертвой преступлений, совершаемых мигрантами): «Еще недавний пример – когда трудовыми мигрантами, уроженцами республики Узбекистан, была изнасилована наша землячка. Последствия не стали долго ждать, и представители фанатской среды через интернет кинули клич о “народном сборе”»²⁸.

Мигранты, как полагают многие жители республики, угрожают не только личной, но и *общественной безопасности* (боязнь образования диаспор, районов с компактным населением мигрантов, где будет некомфортно и опасно жить местному населению; боязнь того, что мигранты, не желая интегрироваться в национальную культуру принимающего со-

²⁵ «Плохо отношусь к “Голосу” и подобным конкурсам. Они раскручивают не артистов, а членов жюри, которые получают хороший гонорар...» [Электронный ресурс]. URL: <https://stolica-s.su/culture/79453> (дата обращения: 11.10.2017).

²⁶ «В 2018 кроме иностранцев приедут еще жители соседних регионов, которые неблагоприятны по ВИЧ» [Электронный ресурс]. URL: <https://stolica-s.su/lifestyle/health/38654> (дата обращения: 11.10.2017).

²⁷ «Если меня сдадут, я спасибо скажу!» [Электронный ресурс]. URL: <https://stolica-s.su/lifestyle/auto/91829> (дата обращения: 11.10.2017).

²⁸ «В республике все больше активизируются эмиссары религиозных течений» [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsar.ru/7725_%C2%ABV_respublike_vsyo_bolshe_aktiviziruyutsya_emissary_razlichnyh_religioznyh_techenij%C2%BB (дата обращения: 18.10.2017).

²² Human development report 1994. N. Y., Oxford : Oxford University Press, 1994. P. 24–25.

²³ Проблемы миграции населения в Республике Мордовия / А. С. Колантаева [и др.] [Электронный ресурс]. URL: sisupr.mrsu.ru/2011-4/PDF/10/Kolontaeva%20zchennikova.pdf (дата обращения: 25.06.2018).

²⁴ В Мордовии «танком» проехали по нелегалам [Электронный ресурс]. URL: <https://stolica-s.su/news/society/55720> (дата обращения: 11.10.2017).

общества, будут пропагандировать свою культуру и понуждать местное население принимать и поддерживать ее, способствовать ее воспроизводству): «...Понимаете, нашим гражданам зачастую не нравится то, что приезжие пытаются установить на нашей территории свои порядки. Если мы принимаем их, то должны заставить их познать нашу культуру, наш быт, выучить наш язык. Хотя бы на разговорном уровне. Тогда не будет у нас никаких разногласий. Необходимо объяснить приезжим, что у нас своя культура, свои традиции. Примите их, как есть, и живите спокойно»²⁹.

Наконец, мигранты рассматриваются как угроза *политической безопасности* (боязнь того, что мигранты в силу их слабого знакомства с правовой системой принимающего государства, слабой социальной защищенности могут быть вовлечены в политические противостояния, влекущие за собой серьезные внутри- и внешнеполитические проблемы, в том числе эскалацию экстремистской и террористической деятельности): «Из года в год у нас в республике все больше активизируются эмиссары различных религиозных течений, которые распространяют радикальные идеи и материалы экстремистского содержания. То есть радикальные течения и контакты жителей Мордовии с представителями экстремистских организаций зафиксированы и у нас в республике»³⁰.

Возможны и другие критерии для создания содержательной классификации языка вражды, однако, в отличие от имеющихся классификаций, предлагаемый критерий (угрозы безопасности) позволяет охватить все значимые случаи использования языка вражды в отношении мигрантов и подвести их под единый концептуальный базис.

В определении формальных критериев для классификации языка вражды основные сложности обусловлены, в первую очередь, многообразием средств выражения негативного отношения к личностям, группам, зависящим не только от смысловой нагрузки, но и от контекста, в котором они используются. Так, существует относительно небольшое количество конкретных языковых единиц, которые однозначно понимаются как оскорбительные и враждебные. Большинство языковых единиц являются нейтральными, но способны выражать различные оттенки враждебности в контексте дискурса о миграции. Более того, нередко в общем контексте они приобретают противоположные привычным значения.

Иными словами, язык вражды может выражаться с помощью отдельных эмоционально окрашенных понятий или же выводиться из контекста, в котором те или иные лексические единицы (а иногда и сами тексты)

²⁹ «В Мордовии нет этнических преступных группировок!» [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsar.ru/7957_%C2%ABV_Nordovii_net_etnicheskikh_prestupnyh_gruppirovok_%C2%BB (дата обращения: 06.11.2017).

³⁰ «В республике все больше активизируются эмиссары религиозных течений».

приобретают соответствующие смысловые акценты. Существующие классификации не учитывают многоуровневости конструирования языка вражды. В этой связи требуется новая классификация, включающая не только собственно текстуальные, но и контекстуальные и метаконтекстуальные характеристики.

Под текстуальным языком вражды понимается характеристика объекта, выраженная при помощи слов, жестов, изображений, которые имеют устойчивые негативные смыслы. Демонстрация отношения к мигранту может изменяться от легкого пренебрежения («гастеры», «люди второго сорта») до прямого, открытого оскорбления. В последнем случае употребление языка вражды влечет за собой соответствующие правовые последствия (привлечение к административной ответственности по ст. 5.61 КоАП (Оскорбление), 5.62 КоАП (Дискриминация)³¹, к уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства)³² и др.

При использовании контекстуального языка вражды отдельные элементы текста приобретают уничижительное или оскорбительное значение лишь в общем контексте высказывания («черные», «дешевая рабочая сила»). Достаточно распространенной разновидностью контекстуального языка вражды является использование иронии и сарказма («Они сначала приезжают, жалятся, типа мы бедные сирые, прописываются, живут, не любят работать на производстве, чаще торгуют, потихоньку плодятся, а потом объявляют о своей нацавтономии, типа мы тут всегда были и вообще мы тут местные»)³³. Кроме того, нередко нейтральное, без агрессивных коннотаций, слово или выражение берется в кавычки, что изменяет его значение («Житель Мордовии “удовлетворил” трех армян»³⁴). Отметим, что на определение контекстуального языка вражды часто влияет субъективная позиция исследователя, его способность и желание «вычитать» из контекста реальную позицию участников коммуникации.

Наконец, метаконтекстуальный язык вражды можно обнаружить лишь на основании комплексного анализа всего медийного дискурса в отношении мигрантов. Так, даже если в отдельных текстах не прослеживаются ни текстуальный, ни контекстуальный языки вражды, это еще не гарантирует того, что участники дискурса не воспроизводят отрицательные стереотипы о мигрантах.

³¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // КонсультантПлюс : информ.-прав. обеспечение (дата обращения: 12.04.2018).

³² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // КонсультантПлюс : информ.-прав. обеспечение (дата обращения: 12.04.2018).

³³ Фиктивно прописать мигрантов в Саранске стоит одну тысячу рублей в месяц [Электронный ресурс]. URL: <https://stolica-s.su/news/incident/41362> (дата обращения: 20.05.2017).

³⁴ Житель Мордовии «удовлетворил» трех армян [Электронный ресурс]. URL: <https://stolica-s.su/news/incident/91190> (дата обращения: 11.10.2017).

В общем информационном потоке, посвященном общественным проблемам, расстановка смысловых и эмоциональных акцентов осуществляется таким образом, что даже объективные факты воспринимаются как подтверждение того, что мигранты являются одной из основных угроз безопасности.

Так, например, указание в новостных сообщениях на то, что преступление совершено мигрантом, поддерживает стереотип «Все мигранты – преступники». Если аналогичное преступление совершается местным жителем, как правило, не делается акцент на его гражданстве, национальности или вероисповедании. В то же время в СМИ активно используются высказывания «мигранты-мусульмане», обороты с указанием национальности или страны происхождения мигранта («мигрант-таджик», «мигрант-узбек», «мигрант-белорус» и т. п.).

По данным Мордовиястата, к началу 2017 г. в Республику Мордовия из зарубежных стран (прежде всего стран СНГ) прибыли 8 934 чел., что составляет 1,1 % от общего числа жителей, зарегистрированных в республике³⁵. При этом в нашей стране существует многолетняя традиция гармоничного и мирного сосуществования представителей разных этносов, культур, религиозных сообществ. Тем не менее проблема использования языка вражды в отношении мигрантов на региональном уровне артикулируется в публичном дискурсе, поэтому требуется актуализация нормативных ограничений речевого поведения.

Обсуждение и заключение. Для того чтобы минимизировать случаи использования языка вражды в отношении мигрантов, недостаточно запретов на применение текстуального языка вражды, которые зафиксированы в нормах права (запреты на оскорбление, дискриминацию, возбуждение религиозной ненависти и вражды) и профессиональной этики³⁶. Использование контекстуального и метаконтекстуального языка вражды также должно быть ограничено; такое ограничение прежде всего обращено к каждому человеку, участвующему в публичном обсуждении проблем миграции или иных тем, в которых воспроизводятся негативные клише и стереотипы в отношении мигрантов. Их воспроизводство обостряет проблему восприятия мигрантов как источника реальных или мнимых угроз общественной безопасности.

³⁵ Мордовиястат: официальный сайт. URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/population/ (дата обращения: 12.05.2018).

³⁶ Кодекс профессиональной этики российского журналиста [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruj.ru/about_organization/kodeks-professionalnoy-etiki-rossiyskogo-zhurnalista/ (дата обращения: 24.10.2017); Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу [Электронный ресурс]. URL: <http://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/4756-mediaeticheskij-standart-2015> (дата обращения: 24.10.2017).

Сформулируем общие рекомендации, адресованные участникам публичного дискурса о проблемах миграции.

Во-первых, необходимо внедрение действенных механизмов применения существующих формальных санкций за использование языка вражды. Должна быть предусмотрена институционализация ответственности за нарушение норм профессиональной этики журналистами, государственными и муниципальными служащими и другими профессиональными группами. Необходима ревизия профессиональных этических кодексов на наличие норм, предусматривающих самоцензуру, контроль за использованием всех видов и уровней языка вражды со стороны профессионального сообщества, самоконтроль участника публичной коммуникации, а также действенных санкций за их нарушение.

Во-вторых, необходимо усовершенствовать правовые нормы и методические рекомендации, направленные на выработку четких критериев для лингвистической и психолого-лингвистической экспертизы контента, в котором используется язык вражды. Для этого требуется внедрение в практику правоприменения семиотических, этических, социологических экспертиз, которые предполагают использование рекомендуемой авторами классификации языка вражды.

В-третьих, необходимо создавать условия для социальной интеграции мигрантов, их культурной ассимиляции, включающие в себя изменение подходов к освещению проблем миграции, а также просвещение и воспитание населения, изменяющие метаконтекстуальный уровень обсуждения проблем миграции.

В-четвертых, в ситуации конкуренции дискурсов важно учитывать ограниченные возможности политкорректного дискурса, который не может обеспечить формирование положительного образа мигранта. В этой связи перспективно конструирование дискурса на основе такой базовой ценности, как социальное доверие. Переход от политкорректного дискурса к дискурсу доверия означает глобальное переструктурирование, перелом дискурса о миграции в целом. Он не может быть осуществлен формально: недостаточно просто изменить язык, которым описываются проблемы, связанные с миграцией, необходимо, чтобы в общественном сознании образ «хорошего» мигранта конкурировал с образом «плохого» мигранта.

Результаты исследования и предложенные рекомендации имеют теоретическую и практическую значимость для представителей региональной власти, СМИ, а также ученых, занимающихся исследованиями языка вражды. Представляется перспективным применение предложенной классификации языка вражды к другим объектам изучения и в иных региональных контекстах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Воронцова Т. А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2016. Т. 26, № 2. С. 109–116. URL: <http://ru.history.vestnik.udsu.ru/archive/show/5-2016-2-13> (дата обращения: 24.01.2018).
2. Воронцова Т. А., Копылова Т. Р. Молчание как маркер агрессивного речевого поведения (на материале бытового общения) // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 29–33. URL: http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1680:lingvistika-v-obrazovani&catid=639&Itemid=320 (дата обращения: 13.02.2018).
3. Денисова А. В. Язык вражды: некоторые особенности судебных лингвистических экспертиз // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 36 (77). С. 54–58. URL: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/36\(77\)/denisova_36_77_54_58.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/36(77)/denisova_36_77_54_58.pdf) (дата обращения: 10.08.2017).
4. Ильичева Ю. А. Мобилизационные технологии: сущность, предпосылки возникновения, основные инструменты и средства [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2013. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1335> (дата обращения: 12.05.2018).
5. Коробкова О. С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 111. С. 200–205. URL: <https://lib.herzen.spb.ru/m/rgpu-periodic/1/112> (дата обращения: 20.03.2018).
6. Кронгауз М. А. Краткий курс новояза // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 7–20. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2015/1/1k.html> (дата обращения: 8.02.2018).
7. Спужакина А. И. «Язык вражды» в региональных СМИ (российско-украинский конфликт в оценке журналистов Оренбуржья) // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2014. № 4 (17). С. 267–275. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22959902> (дата обращения: 20.12.2017).
8. Сычев Е. А., Мартынова Л. Л. Признаки возбуждения вражды и ненависти и их значение для определения смысловой и психологической направленности текста // Общество и право. 2008. № 1 (19). С. 225–228. URL: https://mvd.ru/upload/site119/folder_page/003/467/465/sl-2008-1.pdf (дата обращения: 20.12.2017).
9. Brown A. What is hate speech? Part 1: the myth of hate // Law and Philosophy. 2017. Vol. 36, issue 4. Pp. 419–468. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10982-017-9297-1>
10. Дзялошинский И. М. Медийные стратегии вражды: языковые и образные средства // Journalistische ethik und medienIm postsowjetischen raum. Leipzig : Veröffentlichungen des Moldova-instituts Leipzig, 2017. С. 141–149. URL: <https://publications.hse.ru/books/213658085> (дата обращения: 20.12.2017).
11. Pilgun M. A., Dzyaloshinsky I. Comunicación digital y la realidad social en la comunicación entre los usuarios de las redes sociales rusoparlantes: representación del contenido histórico // Revista Latina de Comunicación Social. 2017. No. 72. Pp. 1010–1026. DOI: <https://doi.org/10.4185/RLCS-2017-1205>
12. Фадеичева М. А. Экзистенциальные основания языка вражды // Дискурс-Пи. 2015. Вып. 1 (18). С. 20–24. URL: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=259&Itemid=75 (дата обращения: 13.01.2018).

13. Ушкин С. Г. Тональность дискурсов (этнокультурной) политики в средствах массовой информации Приволжского федерального округа // Регионология. 2014. № 2. С. 159–169. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1275> (дата обращения: 13.01.2018).
14. Шилов Н. В. Мигрантофобия как фактор риска возникновения межнациональных конфликтов // Регионология. 2016. № 4. С. 160–167. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1490> (дата обращения: 13.01.2018).
15. Hrdina M. Identity, activism and hatred: Hate speech against migrants on Facebook in the Czech Republic in 2015 // Naše Společnost. 2016. No. 1. DOI: <http://dx.doi.org/10.13060/1214438X.2016.1.14.265>
16. Gelber K., McNamara L. The Effects of Civil Hate Speech Laws: Lessons from Australia // Law & Society Review. 2015. Vol. 49, issue 3. Pp. 631–664. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/lasr.12152>

Поступила 13.07.2018; принята к публикации 29.08.2018; опубликована онлайн 28.12.2018.

Об авторах:

Сычев Андрей Анатольевич, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор философских наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru

Коваль Екатерина Александровна, профессор кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства Средне-Волжского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (430003, Россия, г. Саранск, ул. Федосеевко, д. 6), доктор философских наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0069-5335>, nwifesc@yandex.ru

Жадунова Наталья Владимировна, декан факультета дополнительного образования ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат философских наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9058-0488>, zhadunovan@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Сычев Андрей Анатольевич – формулирование основной концепции исследования; разработка оснований для классификации языка вражды; сбор данных и доказательств.

Коваль Екатерина Александровна – разработка методологии; подготовка начального варианта текста; критический анализ текста.

Жадунова Наталья Владимировна – анализ литературы по заявленной проблеме; интерпретация данных исследования; доработка текста.

Для цитирования:

Сычев А. А., Коваль Е. А., Жадунова Н. В. Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов (на примере Республики Мордовия) // Регионология. 2018. Т. 26, № 4. С. 798–815. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.798-815>

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Vorontsova T.A. Trolling and flaming: speech aggression in the internet communication. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* = Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series. 2016; 26(2):109-116. Available at: <http://ru.history.vestnik.udsu.ru/archive/show/5-2016-2-13> (accessed 24.01.2018). (In Russ.)
2. Vorontsova T.A., Kopylova T.R. Silence as a marker of aggressive speech behavior (Case study of day-to-day communication). *Filologicheskij klass* = Philological Class. 2017; 49 (3):29-33. Available at: http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1680:lingvistika-v-obrazovani&catid=639&Itemid=320 (accessed 13.02.2018). (In Russ.)
3. Denisova A.V. [Hate speech: some features of forensic linguistic expertise]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science. 2008; 77(36):54-58. Available at: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/36\(77\)/denisova_36_77_54_58.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/36(77)/denisova_36_77_54_58.pdf) (accessed 10.08.2017). (In Russ.)
4. Ilicheva Yu.A. Mobilization technologies: Essence, background of origin, major tools and means. *Mediaskop* = Mediascope. 2013; 2. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1335> (accessed 12.05.2018). (In Russ.)
5. Korobkova O.S. Hate speech indicators in ethnic membership nominations: sociolinguistic aspect. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science. 2009; 111:200-205. Available at: <https://lib.herzen.spb.ru/m/rgpu-periodic/1/112> (accessed 20.03.2018). (In Russ.)
6. Krongauz M.A. Short course of newspeak. *Voprosy literatury* = Literature Issues. 2015; 1:7-20. Available at: <http://magazines.russ.ru/voplit/2015/1/1k.html> (accessed 8.02.2018). (In Russ.)
7. Spozhakina A.I. "Hate speech" in the regional media (the conflict between Russia and Ukraine in the assessment of Orenburg journalists). *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishheva* = Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev. 2014; 17(4):267-275. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22959902> (accessed 20.12.2017). (In Russ.)
8. Sychev E.A., Martynova L.L. Features of entity and detestation and their importance for definition of sensitive and psychological direction of the text. *Obshchestvo i pravo* = Society and Law. 2008; 19(1):225-228. Available at: https://mvd.ru/upload/site119/folder_page/003/467/465/sl-2008-1.pdf (accessed 20.12.2017). (In Russ.)
9. Brown A. What is hate speech? Part 1: The myth of hate. *Law and Philosophy*. 2017; 36(4):419-468. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10982-017-9297-1>
10. Dzyaloshinsky I.M. [Media strategies of hostility: Language and graphic means]. In: *Journalistische ethik und medienim postsowjetischen raum*. 2017. Available at: <https://publications.hse.ru/books/213658085> (accessed 20.12.2017).
11. Pilgun M.A., Dzyaloshinsky I.M. Comunicación digital y la realidad social en la comunicación entre los usuarios de las redes sociales rusoparlantes: representación del contenido histórico. *Revista Latina de Comunicación Social*. 2017; 72:1010-1026. DOI: <https://doi.org/10.4185/RLCS-2017-1205>

12. Fadeicheva M.A. Existential foundations of hate speech. *Diskurs-Pi* = Diskourse-P. 2015; 18(1):20-24. Available at: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=259&Itemid=75 (accessed 13.01.2018). (In Russ.)
13. Ushkin S.G. Tone of the discourse of national (ethno-cultural) policy in mass media of the Volga federal district. *Regionologiya* = Regionology. 2014; 2:159-169. Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/1275> (accessed 13.01.2018). (In Russ.)
14. Shilov N.V. Migrant phobia as a risk factor for the occurrence of interethnic conflicts. *Regionologiya* = Regionology. 2016; 4:160-167. Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/1490> (accessed 13.01.2018). (In Russ.)
15. Hrdina M. Identity, activism and hatred: Hate speech against migrants on facebook in the Czech Republic in 2015. *Naše Společnost*. 2016; 1. DOI: <http://dx.doi.org/10.13060/1214438X.2016.1.14.265>
16. Gelber K., McNamara L. The effects of civil hate speech laws: Lessons from Australia. *Law & Society Review*. 2015. 49(3):631-664. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/lasr.12152>

Submitted 13.07.2018; accepted for publication 29.08.2018; published online 28.12.2018.

About the authors:

Andrey A. Sychev, Professor, Department of Philosophy, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Dr. Sci. (Philosophy), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru

Ekaterina A. Koval, Professor, Department of Law Enforcement and Enforcement Proceedings, Middle Volga Branch, All-Russian State University of Justice, (6 Fedoseenko St., Saransk 430003, Russia), Dr. Sci. (Philosophy), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0069-5335>, nwifesc@yandex.ru

Natalia V. Zhadunova, Dean of the Faculty of Further Education, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Philosophy), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9058-0488>, zhadunovan@mail.ru

Contribution of the authors:

Andrey A. Sychev – formulation of the basic concept of the research; development of the grounds for classification of hate speech; collection of data and evidence.

Ekaterina A. Koval – development of methodology; preparation of the initial version of the text; critical analysis of the text.

Natalia V. Zhadunova – analysis of the literature on the stated problem; interpretation of the research data; revision of the text.

For citation:

Sychev A.A., Koval E.A., Zhadunova N.V. The Issue of Classification of Hate Speech Against Migrants (the Case Study of the Republic of Mordovia). *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(4):798-815. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.798-815>

All authors have read and approved the final version of the manuscript.